

МАЯКЪ

СОВРЕМЕННОГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

и

ОБРАЗОВАНОСТИ.

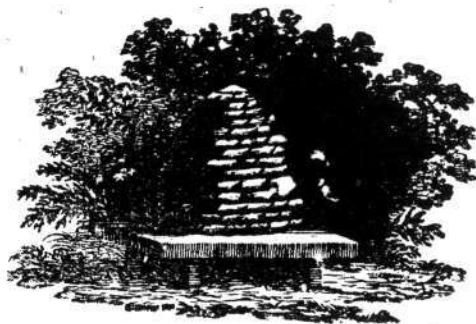
ТРУДЫ

УЧЕНЫХЪ И ЛИТЕРАТОРОВЪ,
РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ.

РЕДАКТОРЫ-ИЗДАТЕЛИ:

П. КОРСАКОВЪ и С. БУРАЧЕКЪ.

Luceat lux vestra coram hominibus.

ЧАСТЬ XII

КОММИСИОНЕРЪ

Книгопродавецъ Ю. Юнгмейстеръ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1840.

БИБЛИОТЕКА ИЗБРАННЫХЪ СОЧИНЕНІЙ.

Стихотворенія М. Лермонтова.
Спб. 1840.

(ПИСЬМО КЪ АВТОРУ).

Имѣеть ли образъ мыслей нашихъ вліяніе на наши дѣйствія, стремленія, горести, радости—на всю нашу жизнь? Безъ сомнѣнія, нашъ образъ мыслей производитъ владычное вліяніе на все наше. Но если образъ мыслей нашихъ ошибоченъ, ложенъ, тогда и всѣ наши стремленія, всѣ дѣла, вся наша жизнь, непременно ошибочны, ложны и мы—страдаемъ. Образъ мыслей—это наша философія: у каждаго своя. Истинная философія—одна: ей должны подчиняться всѣ частныя философіи, Ивана, Кузьмы, Данилы, Терептія, если Иванъ, Кузьма, Данило не хотятъ оплакивать горькихъ слѣдствій своей ложной философіи, т. е. ложнаго, своевольнаго образа мыслей.

Страданія, несчастія, бѣды, неудачи нашей жизни—это горы, овраги, камни, которые Промыслъ Божій ставитъ на ложныхъ путяхъ нашихъ; ими онъ *отводитъ*, мѣшаетъ намъ продолжать ходъ по ложной дорогѣ, и мало по малу наводитъ на дорогу прямую или близкую къ прямой. А мы что дѣлаемъ?—Въ пылу геро-

изма бросаемся на гору; тамъ изржемся, исколемся, измучимся, хватаемся за всякую хворостинку, первая изъ нихъ намъ измѣяеть и мы—стремглавъ летимъ въ пропасть. Или одушевляемые *молодечествомъ*, встрѣтя непроходимый оврагъ, самоувѣренно съ разбѣга хотимъ перепрыгнуть его; смотришь—бѣдняга лежитъ на днѣ съ разбитой головой. Или встрѣтя поперегъ дороги камень мѣшающій проѣзду всего кортежа нашихъ замысловъ, сознаемъ въ себѣ силы Атланта, — «давай, схватимъ камень въ охапку, сбросимъ за девять земель!» — и въ изнеможеніи отъ бесплодныхъ усилій падаемъ, изрыгая проклятія на камень.

Что ни говорите, а такой героизмъ—смѣшонъ, такое молодечество безразсудно! а если вспомнимъ, чья отеческая рука ставитъ преграды на путяхъ погибели, именно желая спасти отъ нихъ, если вспомнимъ, противъ кого мы геройствуемъ, молодечествуемъ: то наше геройство, молодечество будутъ уже преступны! Но не въ такомъ ли героизмѣ и молодечествѣ проходитъ вся наша жизнь? Оглянемся кругомъ себя. И почему все это? потому что намъ такъ *кажется*, мы такъ *думаемъ*; всему злу вина—образъ мыслей, философія! Сколько ни горячись мы, какъ

Лепечешь мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчитсѣ оны: —

*Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на чель, —
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога.*

Скажите же, кто вамъ мѣшаетъ, усердною молитвою, вѣчною враждой и отверженіемъ *Я*, призвать навсегда въ душу свою духъ мира, счастье? кто мѣшаетъ всегда видѣть въ небесахъ Бога — и мирить своихъ собратій съ Богомъ, съ жизнью, съ людьми? — Скажите, кто вамъ мѣшаетъ следовать истинному призванію поэта: быть оракуломъ и благодѣтелемъ современниковъ и благословіемъ потомства? Вы сами видите, что можете — почему же не хотите? Вы скажете, нельзя же писать картинъ все однимъ свѣтомъ? — И я вамъ скажу, и невозможно: куда мы дѣнемся съ своимъ тѣмнымъ *Я*, оно вѣчно съ нами. Нѣтъ, пишите не картину для тѣней, а тѣни для картинъ, сколько ей нужно. Перестаньте ребячь умилять ребячествомъ, которое вы же лучше всѣхъ оцѣниваете! предоставьте эту честь дюжиннымъ итцамъ, которымъ не достааетъ силъ разорвать паутинные оковы подражанія.

Займетесь теперь самымъ капитальнымъ вашимъ произведеніемъ, поэмой «Мцыри» *).

Вступленіе, — очеркъ разрушеннаго Грузинскаго монастыря, — хорошъ; происшествіе случившееся некогда въ этомъ монастырѣ, составило поэму.

«Однажды Русскій генераль
Изъ горъ къ Тифлису подъѣзжалъ;
Ребенка пѣшняго онъ везъ.
Тотъ занемогъ, не перенесъ
Трудовъ далекаго пути:
Онъ былъ, казалось, лѣтъ шести;
Какъ серпа горъ пугливъ и дикъ
И слабъ и гибокъ, какъ тростникъ.

*) *Мцыри* — на Грузинскомъ языкѣ значить «неслужащій монахъ» и что въ родѣ «послушника» —

Но въ немъ мучительный недугъ
Развилъ тогда могучій духъ
Его отцовъ.

Надоэль этотъ *могучій духъ*! Воспѣванія о немъ поэтовъ, и мудрованія о немъ философовъ — удивительно жалки и пригорны. Что такое *могучій духъ*? — Это дикія движенія дикой природы чловѣка, не вышедшаго еще изъ состоянія животнаго, въ которомъ *Я* свирѣтствуетъ необузданно.

Могучій духъ въ медвѣдѣ, барсѣ, вasiliskѣ, Вапкѣ Каипѣ, Картушѣ, Робеспьерѣ, Пугачовѣ, въ дикомъ горцѣ; въ Александрѣ Македонскомъ, въ Цесарѣ, Наполеонѣ — одинъ и тотъ же родъ: дикая, необузданная воля, естественная въ звѣрѣ, преступная въ чловѣкѣ, тѣмъ болѣе преступная, чѣмъ онъ просвѣщеннѣе, — въ чловѣкѣ, которому на каждомъ шагѣ положены зарокъ и урокъ покорности, смиренія! и если онъ добровольно не смиряется, такъ его смирять, и выбыютъ таки изъ него этотъ «могучій духъ» *Я*.

Въ чемъ состоитъ истинная сила, истинная *могучесть* воли? Въ томъ, чтобъ она была полный господинъ въ своемъ царствѣ, чтобъ она самодержавно управляла, по закону правды, своимъ *я* — своими слабостями, привычками, пороками, страстями, управляла въ полной зависимости отъ воли Божіей, воплотивъ эту известную. Вотъ истинная *могучесть духа*: то ли вы разумете подъ этимъ словомъ? Нѣтъ, вы разумете совсѣмъ противоположное: вы разумете не подобіе могущества чловѣческаго моществу Божію, а разумете подобіе могущества чловѣческаго могуществу звѣря. Между могуществами Божіимъ и звѣрскимъ разность неизмѣримая, и заблужденіе вашихъ учителей и ваше — неизмѣримое. Необузданность духа и могущество смиреннаго духа — вещи неизмѣримо разныя.

Знаю, насъ восхищаютъ картины и рассказы про молодечество, удалые подвиги, но восхищается этимъ *я*,

гордость и безсиліе котораго находить свою пищу и утѣшеніе въ призракахъ могущества животной природы, преобладающей надъ духомъ. Простительно было язычникамъ каждаго удальца, сорви-голову прославлять какъ полубога; они не могли понимать истиннаго величія, истиннаго назначенія чело-вѣка, истинной его могучести, такъ, какъ понимаемъ мы. Но не пора ли же намъ смотрѣть на вещи повыше, почище, повернѣе? А кому начинать, какъ не поэтамъ и мыслителямъ?

Вы мнѣ упрекнете, что уничижая ваше могущество духа, и предлагая въ замѣнъ его смиреніе духа, я убиваю тысячу великихъ дѣлъ, красу исторіи? Нѣтъ, господа, съ исторіей надо еще порядкомъ порасчитаться, и повключить лишннихъ «героевъ» изъ ея списковъ. Эта рѣчь впереди. А теперь вмѣсто отвѣта представлю вамъ истинныхъ героевъ, явившихъ чудеса могущества въ смиреніи духа. Ной, Авраамъ, Иосифъ, Моисей, Навинъ, Давидъ, Макавей. Посмотрите на могучій духъ безчисленныхъ мучениковъ христіанства. Христіане первыхъ вѣковъ составляли истинную силу легионовъ Римскихъ. Покажу вамъ Владиміровъ, Александровъ Невскихъ, покажу вамъ могучаго смиреннаго Петра, смиренняго Александра, побѣдителя «могучаго» Наполеона.

Воля очищенная, смиренная—всесильна въ Богъ: ей сама природа покорна! Убѣдитесь, господа, что истинная могучесть не состоитъ въ необузданности *Я*, гарцующаго на конѣ черезъ рывины и пропасти, гдѣ того и гляди — на славу сломить шею; не въ погромкѣ всего міра; а состоитъ — **ВЪ ИСПОЛНЕНИИ СВОИХЪ ОБЯЗАННОСТЕЙ.** Такой чело-вѣкъ, гдѣ долгъ потребуетъ, не пощадитъ и жизни и всего, потому что онъ уже обладаетъ жизнью вѣчною, и временная жизнь ему дорога лишь, какъ тоже исполненіе долга; и въ этомъ долгѣ — ни по

чемъ. Вотъ какъ Господь повелѣлъ намъ разумѣть могучесть духа. Извините, ужъ я скорѣе послушаюсь Бога чѣмъ васъ!

И такъ, умный авторъ, позвольте мнѣ видѣть въ вашемъ плѣнномъ мальчикѣ горца, не могучаго духа, а дикаго звѣренка съ необузданною волей. За чѣмъ, послѣ вопроса — *о чемъ писать?* — выбрали вы этого звѣренка въ герои своей искусной поэмы? Сказать ли вамъ? — За тѣмъ, что этотъ характеръ представлялъ вамъ случай блеснуть своимъ мастерствомъ писать ужасныя, дикія, разительныя картины свирѣпаго *молодечества* во всѣхъ родахъ: и надо отдать вамъ справедливость, за какую картину (дикую) вы ни брались, вы ихъ славно написали. Но все это лишь орнаменты, которые, и вмѣстѣ то взятые, составляютъ лишь коллекцію орнаментовъ, а не цѣлое зданіе, даже не домикъ, не шалащъ, въ которомъ можно бы пожить душой. И весь то герой вашъ не больше какъ орнаментъ въ дикомъ вкусѣ. Въ приличномъ зданіи онъ былъ бы и хорошъ, у мѣста. Но самъ по себѣ, отбитый, онъ орнаментъ — и только! Поглядятъ, полюбуются, да и спросятъ: для чего же онъ? Будь вы, просто, скульпторъ; дѣло другое: вамъ заказанъ орнаментъ, вы его слѣпили — вашему искусству удивляются, любятъ имъ. Но поэтъ не только скульпторъ, онъ, и прежде всего, зодчій, музыкантъ и живописецъ *) — все вмѣстѣ. О, тогда требованія съ васъ становятся обширнѣе, и вы — безответнѣе. Вы написали, въ полной увѣренности что это пойдетъ за новое, оригинальное? — не такъ ли? Смѣю васъ увѣрить, что со стороны формы и мѣстности это не новое: — Кавказскій плѣнникъ, Мулла Нуръ и Цыгане написаны прежде васъ. Со стороны содержанія эта статья избита какъ нельзя больше: — современная

*) См. Ч. IX. Гла. IV, стр. 35 и дальѣе.

литература всей Европы, по бедности, только и пробивается, что на таких героях. Разберите сами хладнокровно и внимательно.

И такъ. Генералъ везъ въ Тифлисъ племяннаго больнаго мальчика горца, въ которомъ

Мучительный недугъ
Развилъ тогда *могучий духъ*
Его отцовъ. Безъ жалобъ онъ
Томился, *даже слабый* стонъ
Изъ дѣтскихъ губъ *не вылеталъ*,
Онъ знакомъ ищу отвергалъ
И тихо, *гордо* умиралъ.
Изъ жалости одинъ монахъ
Больнаго прирѣлъ, и въ стѣнахъ
Хранительныхъ остался онъ
Искусствомъ дружескимъ спасень.
Но, *чужды* ребяческихъ утѣхъ,
Сначала бѣгалъ онъ отъ всѣхъ,
Бродилъ безмолвенъ, одинокъ,
Смотрѣлъ вздыхая на востокъ,
Томилъ неясною тоской
По сторонѣ своей родной.
Но послѣ къ плѣну онъ *привыкъ*,
Сталъ понимать чужой языкъ.
Былъ *окрещенъ* святымъ отцемъ, *)
И, съ шумнымъ сагитомъ *незнакомъ*,
Уже *хотѣлъ* во цвѣтъ лѣтъ
Нарѣчь монашеской обѣтъ,
Какъ вдругъ однажды онъ исчезъ
Осенней ночью. Темный лѣсъ
Тянулся по горамъ кругомъ.
Три дня въ поиски по немъ
Напрасны были; но потомъ
Его въ стени безъ чувствъ нашли
И вновь въ обитель принесли.

Вотъ содержаніе всей поэмы. Большой горецъ приведенный въ чувство, но слабый и чуть дышащій — собралъ остатокъ силъ, я не переводя духу, проговорилъ 55 страницъ стиховъ, да какихъ стиховъ! хоть бы и не горцу выражаться въ такихъ отборныхъ, нарядныхъ, огненныхъ, риторическихъ, Виргиліевскихъ стихахъ. Право, и самъ бы

*) Разумѣется съ его доброй воли, и послѣ предварительнаго поученія въ плѣну.

Лермонтовъ, Пушкинъ, Байронъ, случись съ ними подобное, не высказали бы лучше этого. Ну точно какъ будто самъ Лермонтовъ напередъ написалъ тѣ стихи на бумагу, а горецъ, безъ церемоній прочелъ, по писанному, простился съ монахомъ и тутъ же умеръ. Не подумайте, что онъ умеръ онъ болѣзнями: о, горская натура живуча! Нѣтъ онъ умеръ именно отъ падеды — отъ стиховъ: 55 страницъ! — гдѣ была ваша жалость, умный авторъ, къ такому слабому больному, для котораго и десятокъ стиховъ было-бы впроку.

Первая картина. Горецъ дѣлаетъ грубости монаху, за чѣмъ тотъ его спасъ отъ смерти: но это онъ дѣлаетъ для того, чтобъ показать свое презрѣніе къ жизни, которое нынче въ модѣ. А моды, посредствомъ журналовъ, и въ горахъ разносятся.

Я мало жилъ, и жилъ въ плѣну *)
Такихъ двѣ жизни за одну,
Но только *поющую* прелесть
Я промѣнялъ бы, еслибъ могъ.

Одна дума танцала въ немъ лѣтъ десять

Она, какъ червь во мнѣ жила
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои знала
Отъ келій душныхъ и молитвъ
Въ тотъ чудный міръ *превозъ* и битвъ,
Гдѣ въ тучахъ прячутся скалы,
Гдѣ люди *волны* какъ орлы.

И дикъ какъ волки и медвѣди! Конечно, и волка сколько ни корми, все онъ въ лѣсъ смотреть. Но не все то привлекательно и хорошо въ человѣкѣ, что естественно въ зверѣ.

*) Судя по дальнѣйшимъ его подвигамъ наде ему полагать по меньшей мѣрѣ лѣтъ 18—16. Шести лѣтъ онъ взятъ въ плѣнъ, сталобиты прожилъ въ плѣну лѣтъ 10-12. Въ молодости, въ такое долгое время, въ монастырѣ, можно порядочно ознакомиться.

Меня могила не страшить :

Тамъ, говорятъ *), страданье спить
Въ холодной, вѣчной тишинѣ;
Но съ жизнью жаль разстаться мнѣ.

Пускай теперь прекрасный свѣтъ
Тебѣ постыль: ты слабъ, ты сѣдъ
И отъ желаній ты отвыкъ.

Что за нужда? ты жилъ, старикъ!
Тебѣ есть въ мѣрѣ что забыть,
Ты жилъ,—я также могъ бы жить!

Ну, однимъ словомъ, падѣлалъ ему, за все попеченія, тысячу грубостей, словно Печоринъ Макс. Макс-чу, и потомъ разсказалъ, что съ нимъ случилось въ три дня побѣга.

Картина вторая. Горецъ описываетъ красоты горной природы имъ видѣнной, которыхъ монахъ, жившій въ монастырѣ, конечно до него не видалъ, и потому слушалъ съ любопытствомъ, и ни разу не перебилъ, хоть такимъ замѣчаніемъ: — «да это, братецъ, намъ ужъ ни почемъ! вотъ, въ Петербургѣ, такъ пожалуй, это еще въ диковину!» Нѣтъ монахъ выслушалъ 3½ страницы такого описанія—прекраснаго, объѣтомъ ужъ я говорилъ—и не поморщился: ну, славные стихи!

Картина третья: гроза.

Ты хочешь знать что дѣлалъ я
На волѣ?—Жилъ!

(Онъ убѣжалъ во время грозы)

Скажи мнѣ, что средь этихъ стѣнъ
Могли бы дать вы мнѣ въ замѣнъ
Той дружбы краткой, но живой,
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой? . .

Воля ваша, авторъ, тутъ ошибка противъ правды. Мальчикъ съ 6 до 18 лѣтъ жилъ въ монастырѣ; какъ бы онъ дикъ ни былъ—все таки человекъ ручице всѣхъ животныхъ: онъ выучился языку, слышалъ слово истины, молился, худо ли, хорошо ли, да молился: вслѣдствіе онъ сталъ гораздо и гораздо мягче дикарей своихъ родичей, и движения

*) Т. е. современные учителя человечества говорятъ.

дикой природы непременно умѣрялись значительною степенью разсудка и образованности. Положимъ что дѣтство и родина мелькали передъ нимъ, но ужъ не такъ свѣжо и живо; иное дѣло еслибъ его взяли въ плѣнь, 18 лѣтъ—такъ. Но вы его изображаете точно такимъ же дикимъ, т. е. «могучимъ», какъ бы онъ сейчасъ былъ уведенъ изъ роднаго аула. Вы и слѣдовъ не показали въ немъ восьми или десятилѣтняго пребыванія въ монастырѣ въ кругу людей кроткихъ, смиренныхъ. Добрый примѣръ также приличивъ какъ и злой. Однимъ словомъ вы сдѣлали ошибку во всю повѣсть.

Картина четвертая: «люблѣвъ, опасности и молодечество въ пути, и путевыя сцены.» Съ удовольствіемъ выписываю одну изъ сценъ, которую хоть бы и не горю разсказать:

Кругомъ меня цвѣлъ Божій садъ.
Растеній радужный парядъ
Хранилъ слѣды небесныхъ слезъ,
И кудри виноградныхъ лозъ
Вились, красуясь межъ деревъ
Прозрачной зеленью листовъ;
И грозды полныя на нихъ,
Серѣгъ подобье дорогихъ,
Висѣли цыпно, и порой
Къ нимъ птицъ леталъ пугливый рой.
И снова я къ землѣ припалъ
И снова вслушиваться сталъ
Къ волшебнымъ, страннымъ голосамъ
Они шептались по кустамъ,
Какъ будто рѣчь свою вели
О тайнахъ неба и земли;
И вѣтъ природы голоса,
Сливались тутъ; не раздавался
Въ торжественный хваленья часъ
Лишь человека гордый гласъ.
Все, что я чувствовалъ тогда,
Тѣ думы,—ихъ ужъ нѣтъ слѣда;
Но я бъ желалъ ихъ разсказать,
Чтобъ жить, хоть мысленно опять.
Въ то утро былъ небесный сводъ
Такъ чистъ, что ангела полѣтъ
Прилежный взоръ слѣдить бы могъ;
Онъ такъ прозрачно былъ глубокъ
Такъ полонъ росой синевой!
Я въ немъ глазами и душой
Тонулъ, пока подневный звонъ

Мои мечты не разогнашь,
И жаждой я томиться сталъ.

Курсивная словъ нѣтъ въ лексиконѣ дикарей, если же онъ владѣлъ уже всеми этими тонкостями слова, то онъ не могъ быть такимъ дикаремъ. Что нибудь одно.

Картина пятая: удалое карабкаете по крутизнамъ и обрываамъ горъ.

Картина шестая: эротическая, встреча съ Грузинкой молодой.

Картина седьмая: утомленіе, отдыхъ, сонъ, тоска послѣ пробужденія. Картина душевой ночи.

Картина осьмая. Заблудился въ мрачномъ лѣсу. Напрасно взвзвзвалъ на вершины деревъ: конца лѣса — невидно; отчаяніе и бѣшенство.

Тогда на землю я упалъ
И въ наступленіи рыдалъ,
И крыль сырую грудь земли,
И слезы, слезы потекли
Въ нее горлачею росой . . .
Но вѣрь мнѣ, помощи людской
Я не желалъ . . . Я былъ чужой
Для нихъ на вѣкъ, какъ звѣрь степной.
И еслибъ хоть минутный крикъ
Мнѣ измѣнилъ — клянусь старикъ,
Я бѣ вырвалъ слабый мой языкъ.

Воля ваша — противная картина. Да въ началѣ сказано что онъ въ *изступленіи рыдалъ*: рыданія всегда сопровождаются крикомъ; а здѣсь за минутный крикъ хочется вырвать себѣ языкъ.

Картина девятая: борьба съ барсомъ и побѣда надъ нимъ. Славно написана. Это верхъ молодечества.

Я ждалъ, схвативъ рогатый сукъ,
Минуту битвы, сердце вдругъ
Зажглося жаждою борьбы
И крови . . . да, рука судьбы
Меня вела цинимъ путемъ . . .
Но иныче я увѣренъ въ томъ,
Что быть бы могъ въ краю отцовъ
Не изъ послѣднихъ удайцовъ.
Я ждалъ. И вотъ въ тѣни ночью
Врага почувалъ онъ, и вой
Протяжный, жалобный какъ стонъ,

Раздался вдругъ . . . И началъ онъ
Сердитой лапой рыть песокъ,
Всталъ на дыбы, потомъ прилегъ
И первый бышennyй скачокъ
Мнѣ страшной смертію грозилъ. . .
Но я его предупредилъ.
Ударъ мой вѣренъ былъ и скоръ.
Надежный сукъ мой, какъ топоръ,
Широкой лобъ его расскѣ . . .
Онъ застоналъ какъ человѣкъ,
И опрокинулся. Но вповь,—
Хотя лила изъ раны кровь
Густой, широкою волной,—
Бой закипѣлъ, смертельный бой!
Ко мнѣ онъ кинулся на грудь;
Но въ горло я успѣлъ воткнуть
И тамъ два раза повернуть
Мое оружье . . . Онъ завылъ,
Рванулся изъ послѣднихъ силъ,
И мы, сплетясь, какъ пара змѣй,
Обнявшись крѣпче двухъ друзей,
Упали разомъ и во мгла
Бой продолжался на землѣ.
И я былъ страшенъ въ этотъ мигъ
Какъ барсъ пустынный золь и дикъ,
Я пламенѣлъ, визжалъ, какъ онъ;
Какъ будто самъ я былъ рожденъ
Въ семействѣ барсовъ и волковъ
Подъ свѣжимъ пологомъ лѣсовъ.
Казалось, что слова людей
Забылъ я,—и въ груди моей
Раздался тотъ ужасный крикъ,
Какъ будто съ дѣтства мой языкъ
Къ иному звуку не привыкъ . . .
Но врагъ мой сталъ изнемогать,
Метаться, медленнѣй дышать,
Сдавилъ меня въ послѣдній разъ . . .
Зрачки его недвижныхъ глазъ
Блеснули грозно—и потомъ
Закрылись тихо вѣчнымъ сномъ:
Но съ торжествующимъ врагомъ
Онъ встрѣтилъ смерть лицомъ къ лицу:
Какъ въ битвѣ сплудуетъ бойцу!

Геніальныя ужасы! и все для чего? — отвѣтъ въ послѣднихъ трехъ строкахъ. Вы избрали «натурщикова» съ такими крупными, рѣзкими чертами; характеры ихъ такіе жилистые, мускулистые, что только пересчитай все подробности умненько и дѣло съ концомъ! вѣрите мнѣ, это самый легкій родъ скульптуры!

Далѣе, картины неудачныхъ усилій выдти изъ лѣсу, постепеннаго изнеможенія

тѣла и возрастаніе «могучаго» духа, наконецъ онъ увидѣлъ жилье — то была монастырь, изъ котораго онъ убѣжалъ. Досада, отчаяніе, истома, все въ картинахъ. Предпоследняя картина — предсмертныя грезы чудныя гдѣ-то на днѣ рѣки, и золотая рыбка напештываетъ ему пѣсню. Наконецъ онъ умеръ.

Пересказавъ все это съ такимъ напряженіемъ воображенія и всего жизненнаго снаряда, онъ указалъ мѣсто, гдѣ похоронить его, и — умеръ.

И такъ это галерея скульптурныхъ орнаментовъ молодечества, самаго колоссальнаго во всѣхъ родахъ. Все это прекрасно гдѣ либо въ цѣломъ, гдѣ это нужно, гдѣ есть цѣль, причина, мысль. А тутъ какая мысль, — развѣ та, что грузинскіе старинные монастыри не дѣлали людей лучшими? — Такъ вы и этого не показали. Вы хотѣли показать мастерство свое писать картины молодечества во всѣхъ родахъ *А*, и мы отдаемъ вамъ справедливость — удивляемся! Но одно удивленіе — награда честолюбца, а не поэта: жертва ума, а не сердца; поэзія — по сердечной части.

Согласенъ, что стихъ, то мастерство. О каждомъ стихѣ можно написать по страницѣ коментарій, рассмотреть въ микроскопъ всѣ его грани, жилки, отраженія, игру; но дѣло вотъ въ чемъ. Стихи — не ваша вина: вы родились съ ними; для васъ писать хорошіе стихи такая же заслуга, какъ для человѣка ходить на двухъ ногахъ, для птицы летать на двухъ крылахъ — это Божій даръ, Ему и благодаренье и слава, а вамъ тутъ — не за что. Ваше — выборъ матеріала и употребленіе стиха. Вотъ почему критикъ останавливается не на стихѣ, а на выборѣ матеріала, на употребленіи стиха. Припомните всѣ ваши матеріалы — достойны ли они такого прекраснаго стиха? сдѣлайте вы прекрасный выборъ сюжета, неограничиваясь

одною сферой *А*, сдѣлайте вы прекрасное употребленіе стиха — какія бы чудныя, *мировыя* вещи могли бы вы создать! Родъ вами избранный — самый легкій: предоставьте его легкимъ стихотворамъ, которые только и вытѣзаютъ, что на крупныхъ, колоссальныхъ страстяхъ, ужастяхъ и дикостяхъ. Ихъ тупое зрѣніе не способно уловлять мѣлкія черты добра, истины и красоты, разсыпанныя внутри и въ васъ, только не въ *А*, Родъ вами избранный не новый, повѣрьте — онъ и не поэтический. Нынѣшніе книжники и поэтоучители вездѣ находятъ поэзію, на бойнѣ быковъ, въ битвѣ собакъ «урманщиками», въ дракѣ пьяныхъ мужиковъ, въ разрушеніи, уничтоженіи, истребленіи, изглаженіи — это ложь, убѣдитесь! Здѣсь отрицаніе поэзіи. Ежели тотъ богачъ, у кого 500.000 долгу и ни гроша въ карманѣ, то пожалуй, я соглашусь что и въ рѣзницѣ есть поэзія. Ежели есть вкусы, которымъ это нравится, то вѣдь есть и звѣринные и дикіе вкусы. Есть же вкусы, которымъ нравится снуха и листовая тютюнь за губой; но у добрыхъ людей такіе вкусы называются испорченными! И кто уже на цѣло испортилъ свой вкусъ, съ тѣмъ и говорить нечего: онъ не пойметъ, не убѣдится, потому что въ этихъ вещахъ убѣждаются не умомъ, а вкусомъ. Но пока вкусъ еще не допорченъ до конца — здравый умъ можетъ способствовать къ его очищенію и исправленію. Поставьте человека между звѣремъ и ангеломъ, какъ оно и есть: чей вкусъ ему должно имѣть? согласитесь, отъ скотскаго вкуса ему надо, мало по малу, переходить ко вкусу ангела. Это путь его образованности. А если такъ, то родъ вами избранный — ошибка. Я это же самое говорилъ вамъ по случаю «Героя нашего времени». О. З. написали въ защиту вашу длинную статью, распространились въ исчисленіи внѣшнихъ красотъ разсказа, выраженія, — я тоже самое сказалъ въ двухъ словахъ: «внѣшнее построеніе хорошо,